А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 235

26 сентября 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката ..., заявителя ... и его представителя – ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе ... от 24 января 2024 года (вх. № ...) в отношении адвоката ... (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 17 июля 2024 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, принятым на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 года, исполнении адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Р., что выразилось в невыдаче доверителю Р. второго экземпляра Соглашения об оказании юридической помощи № ...;

2) о нарушении адвокатом Г. положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также положений п. 2 и п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), что выразилось в длительном обмане доверителя Р., сообщении ему заведомо ложных сведений о ходе выполнения поручения по Соглашению об оказании юридической помощи № ... года, сокрытии от доверителя вплоть до января 2024 года фактов совершения сделок по отчуждению принадлежавшего доверителю ценного имущества (заключения

адвокатом Г. от имени доверителя ... Договора № ... купли-продажи квартиры и регистрации ... перехода права на квартиру к новому собственнику по этому договору, а также заключения адвокатом Г. ... Договора № ... купли-продажи автомобиля) по несогласованной с доверителем и заниженной по сравнению с ожиданиями доверителя цене, а также в фактическом оставлении в течение длительного времени, вплоть до 11 января 2024 года, нетрудоспособного доверителя – пенсионера Рыч., 1941 года рождения, потерявшего сына, без денежных средств от продажи принадлежавшего ему имущества, при том, что сам Р. неоднократно сообщал адвокату Г. в переписке о своей нужде в деньгах;

3) о неисполнении адвокатом Г., вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинники документов по делу...), своих профессиональных обязанностей перед доверителем Р., что выразилось в невозвращении Р. после отмены поручения по Соглашению об оказании юридической помощи № ... года подлинных договоров купли-продажи квартиры и автомобиля, свидетельств о праве на наследство по закону на квартиру и автомобиль, свидетельства о смерти Ры.;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе Р. от 24 января 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Г. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии согласился, допущенные нарушения признал, тем самым изменив свою позицию отрицания дисциплинарных обвинений в недобросовестном поведении при совершении сделок с имуществом Р., которую занимал ранее в ходе дисциплинарного разбирательства. Дополнительно пояснил, что осознал степень тяжести дисциплинарных проступков и раскаялся. Просил Совет, если это возможно, не применять к нему крайнюю меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Заявитель Р. и его представитель К. в заседании Совета подтвердили своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии согласились. Высказали мнение о несовместимости поведения адвоката Г. со статусом адвоката, поскольку, обратившись за юридической помощью к адвокату Г., Р. рассчитывал на его профессиональную поддержку в трудной ситуации, однако адвокат Г. недобросовестно воспользовался оказанным ему доверием, длительное время обманывал и удерживал у себя деньги от продажи имущества.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства и заключение Квалификационной комиссии, выслушав его участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым частично изменить объем дисциплинарного обвинения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 15 декабря 2022 года между адвокатом Г. и Р. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи № ... В соответствии с п. 3.1 Соглашения 50 000 рублей оплачивается при заключении (подписании) соглашения и 50 000 рублей – после уведомления Доверителя о получении свидетельства о принятии им наследства. В соответствии с п. 1.1 предметом Соглашения, в частности, является подготовка, сбор и получение необходимых документов для открытия наследственного дела; подача документов для открытия наследственного дела; получение свидетельства о праве на наследство; регистрация права собственности на имя Р.; уведомление Р. о регистрации права собственности на наследуемое имущество.

02 июня 2023 года ..., временно исполняющей обязанности нотариуса ... округа Московской области ..., на основании заявления адвоката Г., действующего в интересах Р. по доверенности, были выданы свидетельства о праве последнего на наследство по закону на квартиру по адресу: ..., автомобиль ..., денежные средства, находящиеся на счетах Р. в банках (наследственное дело № ... к имуществу умершего 01 декабря 2022 года Р.). 05 июня 2023 года в Единый государственный реестр недвижимости были внесены сведения о Р. как собственнике вышеуказанной квартиры.

02 июня 2023 года Р. выдал адвокату Г. сроком на один год нотариально удостоверенную доверенность, которой, в числе прочего, уполномочил последнего продать за цену и на условиях по своему усмотрению указанные квартиру и автомобиль.

07 июня 2023 года между адвокатом Г. и Р. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи № ..., согласно п. 1.1 которого «Доверитель поручает, а Адвокат обязуется оказать следующую юридическую помощь (Поручение): продать квартиру, однокомнатную, кадастровый номер ..., расположенную по адресу: ..., по рыночной стоимости (указав в договоре не менее 1 303 789 р.); продать а/м ... по рыночной стоимости с учетом фактического состояния и года выпуска». В соответствии с п. 3.1 Соглашения размер гонорара адвоката составляет 70 000 рублей. Он оплачен Р. наличными денежными средствами, внесенными адвокатом Г. в кассу адвокатского кабинета в день заключения Соглашения.

19 июня 2023 года между адвокатом Г., действующим от имени Р., и Л. был заключен Договор № ... купли-продажи вышеуказанной квартиры. Стоимость квартиры в соответствии с п. 2.1 Договора составила 1 350 000 рублей, которые в соответствии с п. 2.2 Договора подлежали передаче Г. «с момента регистрации настоящего Договора».

Регистрация права собственности заявителя Р. на квартиру в порядке наследования была произведена 05 июня 2023 года. Из имеющейся в

материалах дисциплинарного производства выписки из Единого государственного реестра недвижимости в отношении указанной квартиры от 17 января 2024 года следует, что регистрация права собственности покупателя квартиры была произведена 22 июня 2023 года. Из содержания выписки из Единого государственного реестра недвижимости от 04 июня 2024 года следует, что 31 января 2024 года было зарегистрировано право собственности на эту квартиру иного физического лица.

Согласно собственноручной расписке адвоката Г., представленной им в материалы дисциплинарного производства, после регистрации перехода права собственности на квартиру (22 июня 2023 года) он получил от Л. в счет оплаты по договору купли-продажи квартиры 1 350 000 рублей.

Согласно Договору купли-продажи от 01 июля 2023 года № ..., копия которого также имеется в материалах дисциплинарного производства, автомобиль ... продан адвокатом Г., действующим от имени Р., покупателю С. Стоимость автомобиля в соответствии с п. 3.1 Договора составила 120 000 рублей, которые подлежали передаче Г. в срок до 01 июля 2024 года. Из расписки адвоката Г. имеющейся в материалах дисциплинарного производства, за проданный автомобиль он получил 120 000 рублей.

В отношении адвоката Г. заявителем Р. выдвинут ряд дисциплинарных обвинений, в том числе в неисполнении профессиональных обязанностей по надлежащей формализации отношений с доверителем.

Давая оценку этому дисциплинарному обвинению, Совет отмечает следующее.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п. 1 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, в соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экземплярах. Получение, равно как и отказ в получении, доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката. Данные Разъяснения даны Советом Адвокатской палаты города Москвы в пределах его компетенции и подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы.

В представленном адвокатом Г. Соглашении об оказании юридической помощи от 07 июня 2023 года № ... факт получения Р. второго экземпляра Соглашения не отражен, сам заявитель Р. получение второго экземпляра этого Соглашения категорически отрицает.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. в данной части опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного проступка – доказанной.

В отношении адвоката Г. заявителем Р. выдвинуты также дисциплинарные обвинения в продаже имущества, полученного по наследству – квартиры и автомобиля, по ценам, которые не являются рыночными и значительно ниже тех, которые были согласованы Р. и адвокатом Г., а также в последующем, вплоть до января 2024 года, сокрытии от доверителя Р. информации о заключении сделок по продаже указанного имущества, сообщении Р. недостоверных сведений о том, что указанное имущество не продается, и неперечислении доверителю денежных средств от продажи имущества.

Давая оценку этим дисциплинарным обвинениям, Совет, прежде всего, подчеркивает, что Кодекс профессиональной этики адвоката определяет как этические правила поведения адвоката непосредственно в процессе осуществления профессиональной деятельности, то есть при оказании юридической помощи по принятым поручениям доверителей, так и общие правила поведения адвоката, которыми он должен руководствоваться во всех случаях и обстоятельствах, в отношениях с доверителем и при общении с ним, а также за рамками такого общения.

Так, адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2 ст. 5 Кодекса). Злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката (п. 3 ст. 5 Кодекса).

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат Г. в ходе дисциплинарного разбирательства утверждал, что указанная в п. 1.1 Соглашения от 07 июня 2023 года сумма 1 303 789 рублей была определена заявителем Р., который полагал, что по этой цене квартира может быть продана, а вопросы налогообложения дохода от продажи имущества Р. не волновали. Однако этот довод адвоката Г. противоречит буквальному содержанию п. 1.1 Соглашения.

Заявитель Р., в свою очередь, относительно формулировки в Соглашении: «указав в договоре не менее 1 303 789 рублей» последовательно пояснял, что она была включена в Соглашение по инициативе адвоката Г., «чтобы Р. не платить большой налог, поскольку он владеет имуществом менее трех лет».

Вместе с тем, Совет отмечает, что вне зависимости от того, каким образом и в каких целях стороны Соглашения от 07 июня 2023 года определили стоимость, которая подлежала указанию в договоре купли-продажи принадлежащей Р. квартиры, реализация и квартиры, и автомобиля

должна была быть произведена по рыночной стоимости. Именно на это была направлена воля заявителя, и именно такое обязательство принял на себя адвокат Г., формулируя (как он утверждает, под диктовку доверителя) предмет поручения по указанному Соглашению.

Квалификационная комиссия правильно указала в заключении, что поскольку какая-либо определенная цена продажи имущества в Соглашении от 07 июня 2023 года сторонами зафиксирована не была, адвокат Г., даже будучи уполномочен доверенностью, выданной ему Р., продать принадлежащие Р. квартиру и автомобиль за цену и на условиях по своему (адвоката Г.) усмотрению, должен был перед совершением соответствующих сделок согласовать с доверителем Р. конкретные цены, по которым он намеревался продать квартиру и автомобиль, а также иные существенные условия договоров купли-продажи, которые адвокат Г. намеревался заключить от имени доверителя. Этот вывод Квалификационной комиссии, с которым соглашается и Совет, основан на содержании приведенных выше требований профессиональной этики адвоката. По этой причине Совет отклоняет как несостоятельный и противоречащий требованиям профессиональной этики довод адвоката Г., ранее (до изменения позиции в заседании Совета, как описано выше) выдвигавшийся им в ходе дисциплинарного разбирательства, о правомерности действий по продаже имущества доверителя со ссылкой на наличие у адвоката Г. права определить цену продажи имущества по своему усмотрению в соответствии с выданной Р. доверенностью от 02 июня 2023 года.

В результате дисциплинарного разбирательства вне разумных сомнений подтверждается довод жалобы заявителя о том, что адвокат Г. совершил не позднее 01 июля 2023 года обе сделки по продаже принадлежавшего Р. имущества (квартиры и автомобиля) не только без согласования с последним цены, но даже без сообщения ему о самом факте совершения этих сделок, а впоследствии, в течение полугода, вплоть до января 2024 года, систематически сообщал доверителю Р. в переписке заведомо ложные сведения о ходе исполнении поручения, информируя его о том, что он (адвокат Г.) якобы совершает действия, направленные на продажу имущества, ведет переговоры с потенциальными покупателями имущества, организует просмотры квартиры, и перечислил доверителю Р. денежные средства, причитающиеся ему как собственнику проданного имущества, только 11 января 2024 года – после того, как 09 января 2024 года получил от последнего сообщение о намерении приехать в Москву и продавать имущество самостоятельно.

В результате дисциплинарного разбирательства также достоверно установлено, что адвокат Г. утаивал от доверителя Р. факты заключения договоров купли-продажи имущества, а сами договоры доверителю не представлял ни до заключения сделок, ни после их совершения. Кроме того, адвокат Г. не согласовывал с Р. в какой-либо форме и даже не сообщал ему никакие сведения, связанные с ценой и иными условиями продажи имущества. В частности, полученный адвокатом Г. и представленный им в материалы дисциплинарного производства отчет от 12 июня 2023 года об

оценке рыночной стоимости автомобиля не направлялся им доверителю Р. в целях информирования и согласования цены соответствующей сделки.

Вместо всего этого адвокат Г., как описано выше, лишь сообщал Р. заведомо ложную информацию о ходе исполнения поручения по Соглашению от 07 июня 2023 года, удерживая у себя полученные от реализации имущества денежные средства, принадлежащие Р., и продолжал это делать даже после получения позиции доверителя относительно желательной стоимости продажи имущества и несмотря на неоднократные сообщения о том, что доверитель срочно нуждается в деньгах.

Так, в сентябре и октябре 2023 года Р., находясь по вине адвоката Г. в неведении относительно уже совершенных последним сделок по отчуждению имущества (квартиры и автомобиля), а также под влиянием обмана со стороны адвоката Г. о том, что имущество Р. не продается, написал адвокату Г. о том, что ему очень нужны деньги, и выразил согласие получить от продажи имущества 4 500 000 рублей, оставив остальные полученные от продажи денежные средства адвокату Г. При этом адвокат Г., отвечая на приведенные выше сообщения доверителя и по-прежнему умалчивая о том, что имущество им уже давно продано по совершенно иным ценам, а стоимость автомобиля еще 12 июня 2023 года была определена оценщиком в 110 000 рублей, никаких возражений по поводу несоответствия указанной доверителем Р. желаемой им суммы уровню рыночных цен на имущество и/или невозможности продать его по такой цене не высказал, тем самым продолжал намеренно обманывать доверителя.

Этими обстоятельствами, достоверно установленными Квалификационной комиссией, подтверждается рассматриваемое дисциплинарное обвинение в описанных недобросовестных действиях адвоката Г. при реализации имущества Р., а также опровергается ранее (до изменения позиции в заседании Совета, как описано выше) выдвигавшийся адвокатом Г. довод о том, что Р. при заключении Соглашения от 07 июня 2023 года был готов продать квартиру по указанной в Соглашении цене, составляющей 70% ее кадастровой стоимости.

Из материалов дисциплинарного производства также следует, что адвокат Г. 02 июня 2023 года вместе с Р. и супругой последнего посещал ПАО «Сбербанк России» для перевода денежных средств с банковского счета наследодателя Ры. на банковский счет Р., а 05 июня 2023 года адвокат Г. самостоятельно обратился в Управление обработки заявлений клиентов АО «Тинькофф Банк» и подал заявление о перечислении денежных средств, находящихся на банковском счете наследодателя Ры., на банковский счет Р. Таким образом, сведения о банковских реквизитах Р. имелись в распоряжении адвоката Г. Кроме того, он не был лишен возможности повторно запросить их у Р. либо, используя доверенность, выданную Р., открыть на его имя банковский счет и внести на него денежные средства, что в итоге было сделано адвокатом Г. 10 и 11 января 2024 года, но только после получения 09 января 2024 года от доверителя информации о том, что он приедет в Москву и будет самостоятельно заниматься продажей имущества.

Помимо этого, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Г. направил Р. претензии, в которых поставил вопрос о возмещении ему расходов, связанных с исполнением поручений последнего, лишь 18 марта 2024 года, то есть через два месяца после обращения заявителя с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы. При этом доказательств того, что до этого адвокатом Г. ставился перед Р. вопрос о необходимости компенсации указанных расходов, в материалах дисциплинарного производства не содержится. Наконец, Совет отмечает, что размер понесенных адвокатом Г. расходов ничтожно мал по сравнению с суммой, вырученной им от продажи имущества Р.

Таким образом, у адвоката Г. не имелось препятствий как для своевременного перечисления Р. вырученных от продажи его имущества денежных средств, так и для удержания из этих средств суммы расходов, понесенных в связи с исполнением поручения Р.

По указанным причинам Совет отклоняет как несостоятельные и голословные доводы адвоката Г., ранее (до изменения позиции в заседании Совета, как описано выше) выдвигавшиеся им в ходе дисциплинарного разбирательства, о неперечислении доверителю Р. вырученных от продажи имущества денежных средств из-за отсутствия сведений о банковских реквизитах последнего и наличия его задолженности перед адвокатом Г. по оплате расходов, понесенных при выполнении поручения.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что описанное выше поведение адвоката Г. не может быть признано честным и достойным. Профессиональное поведение адвоката Г.: длительный обман доверителя, выразившийся в сокрытии от него вплоть до января 2024 года, когда это обстоятельство было установлено доверителем самостоятельно, фактов отчуждения принадлежавшего доверителю ценного имущества по не согласованной с доверителем цене, фактическое оставление в течение длительного времени, вплоть до 11 января 2024 года, нетрудоспособного доверителя – пенсионера Рыч., 1941 года рождения, потерявшего сына, без денежных средств от продажи имущества при том, что сам Р. неоднократно сообщал адвокату Г. в переписке о своей нуждаемости в деньгах, Совет квалифицирует как действия, направленные к подрыву доверия к самому Г. как адвокату и к адвокатуре в целом, а также как злоупотребление доверием Р.

По этим причинам Совет признает действия адвоката Г. нарушающими требования п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, презумпцию его добросовестности в данной части дисциплинарных обвинений – опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения – доказанной.

В то же время Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что сделки купли-продажи квартиры и автомобиля, принадлежащих Р., были совершены адвокатом Г. «по заниженной по сравнению с ожиданиями доверителя цене».

Квалификационной комиссией не установлены и не приведены в заключение доказательства того, что доверитель Р. до момента совершения

указанных сделок высказывал адвокату Г. свои конкретные ожидания размера вырученных от продажи имущества денежных средств, и что эти ожидания Р. были достоверно известны адвокату Г. до и/или на момент совершения сделок с его имуществом. Ожидания заявителя Р. получить от продажи имущества 4 500 000 рублей, оставив остальные полученные от продажи денежные средства адвокату Г., были высказаны Р. адвокату Г. значительно позднее совершения последним сделок с имуществом. Каких-либо иных доказательств дисциплинарного обвинения в данной части не представлено и в заключении Квалификационной комиссии не приведено.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части и исключает дисциплинарное обвинение адвоката Г. в продаже квартиры и автомобиля Р. «по заниженной по сравнению с ожиданиями доверителя цене».

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в невозвращении Р. подлинных документов: договоров купли-продажи квартиры и автомобиля, свидетельств о праве на наследство по закону на квартиру и автомобиль, свидетельства о смерти сына – Ры., Совет отмечает, что согласно п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинники документы по делу и доверенность.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 16 января 2024 года Р. направил адвокату Г. сообщение следующего содержания: «Добрый день! ..., я отменил доверенность», то есть уведомил адвоката Г. об отмене поручения, предусмотренного Соглашением об оказании юридической помощи от

Утверждение адвоката Г. о том, что он возвратил Р. свидетельство о смерти Ры., не подтверждено никакими-либо доказательствами, но и ссылками на конкретные фактические обстоятельства совершения этого действия. При этом заявитель Р. факт получения от адвоката Г. указанных документов категорически отрицает.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. и в этой части опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного проступка установленной.

Рассматривая остальные дисциплинарные обвинения, а именно: в незаключении соглашения об оказании юридической помощи и невыдаче финансовых документов, подтверждающих проведение операций с денежными средствами, переданными Р. адвокату Г. в счет оплаты его вознаграждения по соглашениям об оказании юридической помощи от ... и от ..., в получении нотариально удостоверенной доверенности, предоставляющей адвокату Г. полномочия по распоряжению имуществом Р., путем обмана и введения Р. в заблуждение, а также в неразъяснении Р. последствий совершаемого им нотариального действия, Совет соглашается с Квалификационной комиссией, которая со ссылками на материалы

дисциплинарного производства подробно обосновала в заключении вывод о необоснованности данных дисциплинарных обвинений.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их умышленный, злостный и длительный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом Г. основополагающих профессионально-этических требований. Совет также учитывает причиненный тяжким дисциплинарным проступком адвоката Г. вред доверителю Р., который, будучи пожилым и нетрудоспособным человеком, в течение длительного времени был лишен возможности не только получить и использовать по своему усмотрению причитающиеся ему денежные средства, но и получить достоверную информацию о ходе реализации наследственного имущества.

Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат Г. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие и недобросовестные цели, не соответствующие предназначению адвоката. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Г. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату Г. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как в силу прямого указания п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката о несовместимости злоупотребления доверием со статусом адвоката и требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Г. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката. Совет учитывает, что в результате длительного дисциплинарного разбирательства адвокат Г. в заседании Совета признал допущенные нарушения, заявил о раскаянии и о недопущении подобных действий в будущем, однако это обстоятельство, с учетом сказанного выше, не свидетельствует о возможности применения к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении адвокатом

норм кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Г. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушения и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о его личности и профессиональной деятельности, а также признание им вины и заявление о раскаянии, считает необходимым установить этот срок в два года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, п. 4-5, пп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснениям Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом 29 сентября 2014 года, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившееся в невыдаче доверителю Р. второго экземпляра Соглашения об оказании юридической помощи от ...;

нарушение положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также положений п. 2 и п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившееся в длительном обмане доверителя Р., сообщении ему заведомо ложных сведений о ходе выполнения поручения по Соглашению об оказании юридической помощи от 07 июня 2023 года № ..., сокрытии от доверителя вплоть до января 2024 года фактов совершения сделок по отчуждению принадлежавшего доверителю ценного имущества (заключения адвокатом Г. от имени доверителя ... Договора № ... купли-продажи квартиры и регистрации ... перехода права на квартиру к новому собственнику по этому договору, а также заключения адвокатом Г. ... Договора № ... купли-продажи автомобиля) по не согласованной с доверителем цене, а также в фактическом оставлении в течение длительного времени, вплоть до 11 января 2024 года, нетрудоспособного доверителя – пенсионера Рыч., 1941 года рождения, потерявшего сына, без денежных

средств от продажи принадлежавшего ему имущества, при том, что сам Р. неоднократно сообщал адвокату Г. в переписке о своей нуждаемости в деньгах;

неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу...), профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившееся в невозвращении Р. после отмены поручения по Соглашению об оказании юридической помощи от 07 июня 2023 года № ... подлинных договоров купли-продажи квартиры и автомобиля, свидетельств о праве на наследство по закону на квартиру и автомобиль, свидетельства о смерти Ры.

Установить в отношении Г. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 2 (два) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе Р. от 24 января 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков